

СЕРИЯ МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СЕГОДНЯ – БЕСТСЕЛЛЕР, ЗАВТРА – КЛАССИКА!

**ТЕПЕРЬ И НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!
КНИГИ, ПОКОРИВШИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПРОСЛАВЛЕННЫХ И МОЛОДЫХ АВТОРОВ**

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ЭНРИКЕ ВИЛА-МАТАС

ДУБЛИНЕСКА

Москва
2015

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
В44

Enrique Vila Matas

DUBLINESCA

Copyright © 2010 by Enrique Vila Matas
Фото автора © Paula De Parma

Перевод с испанского *Леи Любомирской*

Художественное оформление *Андрея Старикова*

В44 **Вила-Матас, Энирике.**
Дублинеска / Энирике Вила-Матас ; [пер. с исп.
Л. Д. Любомирской]. — Москва : Издательство «Э»,
2015. — 352 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-83275-0

Энирике Вила-Матас — один из самых известных испанских писателей. Его проза настолько необычна и оригинальна, что любое сравнение — а сравнивали Вила-Матаса и с Джойсом, и с Беккетом, и с Набоковым — не даст полного представления о его творчестве.

Автор переносит нас в Дублин, город, где происходило действие «Улисса», аллюзиями на который полна «Дублинеска». Это книга-игра, книга-мозаика, изящная и стилистически совершенная. Читать ее — истинное наслаждение для книжных гурманов.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

© Любомирская Л., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83275-0

Пауле де Парма

Май

Он из редкой породы начитанных издателей, издателей-интеллектуалов, и день за днем с горечью наблюдает, как засыхает благородная ветвь могучего когда-то дерева, как в начале этого века оказался на грани вымирания вид, к которому принадлежит и он сам, — вид издателей, искренне любящих литературу. Ему не удалось избежать общей участи, и два года назад он вынужден был закрыть издательство — несмотря на немалый вес и устойчивую репутацию, в последнее время оно с пугающим упорством катилось к полному разорению. За более чем тридцать лет самостоятельного пути он хлебнул всякого. Бывали у него успехи, бывали и сокрушительные поражения. Досрочный закат карьеры он приписывает своему упорному нежеланию опускаться до издания модных готических книжонок и прочего чтива, но забывает, что ему никогда не были свойственны ни экономическое чутье, ни управленческие таланты, и не желает думать, что, возможно, его подвела почти религиозная страсть к литературе.

За годы работы Самуэль Рибба — для всех просто Рибба — издал многих великих писателей своего времени. У иных он выпустил только по одной книге, но

и этого достаточно, чтобы их имена значились в его послужном списке. Подчас, хотя он и отдает себе отчет в том, что благородное издательское ремесло еще живо, что еще не все дон-кихоты сложили оружие, он думает о себе как о последнем настоящем издателе. Видит себя окутанным эдакой романтической дымкой и живет в постоянном ощущении близкого конца света, без сомнения, навеянном внезапным бездельем. У него любопытная манера читать собственную жизнь словно художественный текст и толковать ее отстраненно и нелицеприятно, как это свойственно опытным читателям, каким он и был столько лет. Терзающее его состояние можно определить как психоз «конца всего». И до сих пор никто не сумел его убедить, что и в старении есть своя прелесть. Да и есть ли она?

Сейчас он в гостях у своих родителей и оглядывает их с жадным любопытством с головы до ног, словно видит впервые. Он явился отчитаться о недавней поездке в Лион. Рассказы о путешествиях — так же, как и непрменные встречи по средам, — их старая семейная традиция. В последнее время он не получает и десятой доли приглашений, что сыпались на него когда-то, но родители об этом не знают, как не знают и о том, что он перестал издавать — людей в их возрасте, полагает он, следует беречь от дурных вестей, к тому же в глубине души он подозревает, что родители не одобрили бы его решения закрыть издательство.

Он доволен, когда его куда-нибудь зовут, это позволяет продолжать играть перед родителями роль

человека востребованного и чрезвычайно занятого. Хотя ему вот-вот стукнет шестьдесят, эмоционально он по-прежнему очень от них зависит, может быть, потому, что у него нет собственных детей, да и сам он — единственный сын. В какие только забытые богом места он не ездил, просто чтобы поделиться впечатлениями с родителями и поддержать в них веру — счастье, что они не читают прессы и не смотрят телевизор! — что его по-прежнему рвут на части и все у него прекрасно. Увы, в действительности его положение далеко не так радужно. В бытность свою издателем он привык к полыханию светской жизни, сейчас же она еле теплится, чтобы не сказать — угасла совсем. Он растерял множество друзей — тех, кого считал друзьями, — а к этому добавилась сильнейшая тоска, завладевшая им два года назад, когда он бросил пить. Тоска эта проистекает от печального осознания, что натрезво он никогда не отважился бы дерзать в книгоиздании, и от уверенности, что его общительность была искусственной, совершенно ему не свойственной и, вероятно, вызванной его почти болезненной боязнью беспорядка и одиночества.

С тех пор как он начал заигрывать с одиночеством, дела его совсем плохи. Он старается удержаться на краю бездны, но его брак, если можно так выразиться, штормит и шатает от блаженных восторгов и любовного упоения до ненависти и ощущения полного краха. Земля поминутно уходит у него из-под ног, и оттого он стал брюзглив, и все, что ни попадается ему на глаза в течение дня, вызывает

у него неудовольствие и досаду. Возможно, это возрастное. Но, сказать по правде, с каждым днем ему все неуютнее в этом мире, а близящееся шестидесятилетие вызывает ощущение затягивающейся на шее петли.

Родители всегда выслушивают его путевые впечатления с огромным вниманием и живым любопытством. Иной раз они выглядят точь-в-точь, как парочка престарелых Хубилаев¹, внемлющих рассказам Марко Поло. Дни, когда сын возвращается из поездки, считаются особыми и отличаются от обычных размеренных бесед по средам. Нынешняя встреча тоже проходит по разряду особых визитов. Однако сегодня творится что-то странное: он давно уже сидит у родителей, но до сих пор ни словом не обмолвился о Лионе. Ему просто нечего им рассказать, в поездке он полностью отключился от мира, ушел в себя, именно там, внутри него, и происходило в эти дни все по-настоящему важное, и оттого у него нет в запасе ни единой истории, ни одного живого впечатления. Да и лионская действительность оказалась для него скорее недружественной. Это было холодное бесстрастное путешествие, словно он вовсе никуда не ездил, а, как это случается чаще и чаще, просидел все время за компьютером.

¹ Хубилай (1215–1294) — монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай. На Западе известен благодаря Марко Поло под именем Кублай-хан или Кубла Хан.

— Значит, был ты в Лионе, — настаивает мать уже несколько обеспокоенным тоном.

Отец принимается неторопливо раскуривать трубку и тоже смотрит на сына с легким недоумением, будто спрашивая себя, отчего тот молчит. Но что он может сказать? Не излагать же родителям общую теорию романа, сформулированную им в лионском отеле. Вряд ли их заинтересовал бы ход его мыслей, к тому же, он подозревает, родители вообще ничего не смыслят в теории литературы. Но предположим, что смыслят, и что? Он убежден, что такой разговор их только утомит. Более того, он боится, что тут-то они и поймут, насколько права Селия, утверждая, что он замкнулся в себе, отгородился от реального мира и полностью поглощен компьютером, а в отсутствие компьютера — как это было в Лионе, — собственными мыслями.

В Лионе Роба сделал все возможное, чтобы ненароком не столкнуться с Фондом Фондебридера, пригласившим его на конференцию по поводу тяжелого положения издательского дела в Европе. Может быть, оттого, что ни в аэропорту, ни в отеле никто его не встречал, он, как бы мстя организаторам за демонстративное пренебрежение, закрылся в своем номере и сделал, наконец, то, о чем мечтал еще в ту пору, когда у него было что издавать и не было времени ни на что другое, — написал общую теорию романа.

В свое время он опубликовал многих крупных писателей, но духом будущего на него повеяло только от Жюльена Грака, автора «Побережья Сирта». И, затворившись в номере лионского отеля, он на-

бросился на вожделенную теорию. Она опиралась на идеи, с первого же взгляда узнанные им в «Побережье Сирта», и устанавливала пять необходимых элементов романа будущего: интертекстуальность, неразрывную связь с высокой поэзией, осознанное созерцание лежащего в развалинах нравственного пейзажа, некоторый примат стиля над сюжетом и общую манера письма, подобную спешащим часам.

Это была смелая теория, она дерзко призывала равняться на роман Грака, привычно считавшийся устарелым. Риба исписал гору бумаги комментариями ко всем пяти элементам идеального романа будущего. Но, едва закончив свой труд, вспомнил о *«священной инстинкте не следовать теориям»* — эта фраза принадлежала Фернандо Пессоа, еще одному любимому автору Рибы, чье «Воспитание стойка» ему однажды выпала честь издать. Он подумал об этом инстинкте и о том, как глупы бывают романисты, и тут же перед его внутренним взором прошла вереница испанских писателей, чьи книги — наивные плоды стройных и обширных теорий — ему доводилось публиковать. Цепляться за теорию, чтобы написать роман, подумал Риба, что за бессмысленная потеря времени! Как автор новой теории он имел теперь все основания так говорить.

Кто в здравом уме станет писать роман, размышлял Риба, если уже есть теория? И покуда он прислушивался к себе в ожидании ответа, к нему — вероятно, чтобы избавить его от ощущения, будто и сам он только и делает, что бессмысленно теряет время, — пришло понимание. Теория, которую он любовно выстраивал, запершись в номере отеля, на

самом деле избавляла его от теорий. Становилась ли она от этого хуже? Нет и нет. Она по-прежнему была блестящей и дерзкой, только теперь Рибанамеревался уничтожить ее и похоронить прямо тут, в номере, в корзине для бумаг.

Он справил одинокую тризну по своей теории и по всем теориям в мире и, не медля более, оставил город Лион, так и не встретившись с теми, кто желал обсудить с ним тяжелую — ничего, думал Рибавсю обратную дорогу, не так уж она и тяжела, — долю европейских книгоиздателей. Он покинул отель через черный ход, сел в поезд и вернулся в Барселону ровно через сутки после своего приезда в Лион, не оставив Фонду Фондебридера даже прощальной записки. Он чувствовал, что вся поездка случилась с ним исключительно ради того, чтобы он сформулировал, а потом тихо похоронил свою теорию. Словно бы он не свои взгляды на роман будущего изложил, а составил документ, официально избавляющий его от изложенных взглядов. А еще точнее, удостоверяющий, что единственное стоящее занятие — это ездить по миру и избавляться от теорий.

— Значит, был ты в Лионе, — снова забрасывает удочку мать.

На дворе конец капризного мая, непривычно дождливого для Барселоны. День холоден, бесцветен и уныл. На мгновение Рибавоображает себя в Нью-Йорке, ему даже кажется, будто он слышит транспортный гул у туннеля Холланда — это потоки машин возвращаются домой после рабочего дня. Чистой воды фантазия. Рибаникогда не слышал, как шумит Холландов туннель. Мигнув, он возвра-

щается к действительности, к Барселоне, к ее тоскливому пепельно-серому свету. Жена Селия ждет его к шести. Все идет как обычно, если не брать в расчет растущей тревоги родителей, обеспокоенных тем, что сын категорически не желает говорить о Лионе.

Но как описать то, что произошло в Лионе? Что сказать? Что — а родители осведомлены об этом не хуже него самого — с тех пор, как два года назад истерзанные почки уложили его в больницу, у него во рту не было ни капли спиртного? Что, обреченный на трезвость, он стал эксцентричен, запирается в номерах отелей, создает там литературные теории и знать не желает тех, кто его туда пригласил? Что в Лионе он ни с кем не проронил ни слова, да и в Барселоне стал неразговорчив и дни напролет проводит за компьютером? Что в бытность свою издателем он так и не сумел встретить прозябающего в безвестности писателя, оказавшегося бы на поверку гением, и это угнетает его и мучит? Что он до сих пор страдает от того, что дело его жизни было неотделимо от горчайшей надобности искать авторов, этих тварей, необходимых ему до тошноты, потому что без них его ремесло невозможно? Что в последние недели у него болит правое колено, должно быть, подагра, а может быть, отложение солей, если, конечно, это не одно и то же? Что, если в прежние времена он постоянно бывал навеселе, то теперь его удел — уныние и тоска? Что он может сказать своим родителям? Что конец близок?